

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Хупения Нино Романовна

**ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС ТРАДИЦИИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Москва – 2019

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель: **Рахманкулова Нэлли Фидаиевна**
кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Баева Людмила Владимировна**
доктор философских наук, профессор,
декан факультета социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет»

Пурнычева Галина Михайловна
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии ФГБОУ
ВО «Поволжский государственный
технологический университет»

Покровская Татьяна Павловна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии
философского факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова».

Защита диссертации состоится «11» декабря 2019 года в «___» час. 00 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.09.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4 (Шуваловский учебно-научный корпус), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета философского факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/238884707/>.

Автореферат разослан «___» ноября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Е.В. Брызгалина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В процессе своего исторического развития любое общество, как и человечество в целом, подвергается череде социальных трансформаций, приводящих к переосмыслению ценностных оснований бытия и разрушению привычного уклада жизни. Несмотря на нелинейный характер этого процесса, накопленные культурные ценности, как правило, не исчезают бесследно, а сохраняются и передаются из поколения в поколение, от коллектива к индивиду. Аккумуляция и воспроизводство элементов социокультурного наследия осуществляется преимущественно благодаря традиции. В разные исторические периоды и во многих культурах они выступают своеобразным «хранилищем» всего разнообразия накопленных знаний и жизненного опыта, духовно-нравственных ориентиров и моделей поведения, – всего того, что представляет собой ценность для индивидов, поддерживает единство и взаимосвязь поколений, обеспечивает стабильность социума и позволяет сберечь идентичность ее членов.

Однако масштабные по глубине и характеру перемены, которым, в особенности, подвержено глобализирующееся и переходящее в постиндустриальное состояние общество, воздействуют, в свою очередь, и на саму традицию, преобразуя ее содержание и ценностный смысл в массовом сознании. Перемены могут быть вызваны как факторами эволюционного содержания, например, «просачиванием» культурных образцов из одного общества в другое, так и революционными факторами, приводящими к всесторонним, коренным изменениям общества. В отличие от статичных условий, когда процесс переосмысления традиции протекает сравнительно медленно, иногда растягиваясь на столетия, динамично протекающие преобразования общественной жизни способны привести к резкой смене ценностных ориентаций и, как следствие, к переоценке роли традиции и выполняемых ею функций. Интенсивность преобразований резко усилилась в современную эпоху: повышается мобильность индивида (он перестает быть привязанным к одной социальной и культурной среде), меняются детерминанты человеческого сознания и поведения, происходит пересмотр образа жизни, ценностных основ личности и устоявшихся моральных ориентиров. Деятельность индивидов обуславливается в большей степени личностными устремлениями, чем традиционными установками. В этих условиях носителям традиции все труднее отвечать и адекватно реагировать на новые вызовы времени, даже если они несут в себе созидательные функции.

С другой стороны, перемены могут стимулировать ностальгический поиск традиционных оснований социального устройства, как это произошло, с нашим обществом в постсоветское время. Смена привычных мировоззренческих установок, ломка структур социального бытия поставили под угрозу социальную идентичность множества людей, способствовали развитию у них безразличия, социальной апатии, идеологического нигилизма. В качестве ответа на эти вызовы, для стабилизации российского общества, возрождаются исторически присущие ему ценностные установки, получающие статус «традиционных». Такого рода процессы характерны не только для России, но для современного мира в целом.

Характерно, что в зависимости от степени приверженности к традициям одни общества консервируют, обретают или «изобретают» традиции, становясь более традиционными, другие – утрачивают, ослабляют или разрушают их, превращаясь в общество, менее зависимое от традиционных институтов и норм. Соответственно, перспективы успешного перехода общества на качественно новый уровень зачастую определяются подходами к решению проблемы выбора традиции, отношением к историческому прошлому и устоявшимся ценностям.

В этой связи, социально-философские исследования, посвященные проблеме изменчивости традиции, осмыслению различных аспектов ее существования в меняющемся социуме, несут в себе несомненный научный интерес и представляются весьма актуальными. Составной частью подобных исследований становится выработка различных позиций по определению перспектив традиции в переломные моменты жизни общества.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика традиции является объектом интереса исследователей в самых различных областях гуманитарного знания: философии, социологии, культурологии, истории и теории религии, этнографии и фольклористики. На сегодняшний день существует разнообразная и обширная как отечественная, так и зарубежная научная литература, посвященная изучению сущности и содержания традиции, исторической динамике и перспектив существования, соотношению традиции и новации. Ключевые положения в исследовании традиции создавались в различные исторические периоды, и их авторы обращались к разным ее аспектам.

В философской и социологической мысли сложились три основных подхода к пониманию традиции, в разработку которых внес вклад польский

социолог Е. Шацкий¹. Подходы позволяют выделить основные характеристики традиции, обуславливающие возможность ее различных трактовок. Функциональный подход, выдвигающий на передний план коммуникационный аспект традиции, восходит к идеям, развитым в трудах Дж. Гуди и И. Уотта², Ф.А. Хайека, Д.Б. Зильбермана³, Э.С. Маркаряна⁴, М.И. Найдорфа, И.В. Суханова⁵, И.А. Барсегяна⁶ и других исследователей. Объектный подход, рассматривающий неизменную содержательную сторону традиции, представлен в работах Г.Б. Актона, Д. Гросса⁷, М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Поппера, А.Б. Гофмана⁸, П. Штомпки⁹ и других классиков социологической мысли. Ряд исследователей работает в рамках субъектного подхода, согласно которому традиция определяется как результат интерпретирующего и оценивающего отношения со стороны индивида к элементам социокультурного наследия. К ним можно отнести А. Гласси¹⁰, Дж. Гусфилда, В.Д. Плахова¹¹, Д. Гросса, Э. Гидденса¹², Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера¹³, Д. Бен-Амоса¹⁴ и многих других.

Субъектный подход акцентирует внимание на ценностном смысле традиции и затрагивает вопросы, касающиеся ее динамики. В работах Ш. Эйзенштадта¹⁵, Э. Шилза¹⁶, К. Торена, Дж. Линнекина, Р. Хэндлера и др. авторов традиция представляет собой вариативное динамическое явление, тогда

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.

² Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5. No 3. PP. 304-345.

³ Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С.76-105.

⁴ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983.

⁵ Суханов И.В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.

⁶ Барсегян И.А. Традиция и коммуникация. Философские проблемы культуры. Тбилиси: Мицниереба, 1980.

⁷ Gross D. The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity. Amherst: University of Massachusetts Press, 1992.

⁸ Гофман А.Б. Традиции // Культурология. XX век. Энциклопедия. Под ред. С.Я. Левит. В 2 т., Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998; Гофман А.Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН, 2008.

⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

¹⁰ Glassie H. Tradition // The Journal of American Folklore. Common Ground: Keywords for the Study of Expressive Culture. 1995. Vol. 108. No. 430. PP. 395-412.

¹¹ Плахов В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982.

¹² Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

¹³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47-62; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998; Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

¹⁴ Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. Vol. 21. No. 2-3. 1984. PP. 97-131.

¹⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

¹⁶ Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935-1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press. 1988; Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975; Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981; Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

как в исследованиях Я. Ассмана¹⁷, Э. Фромма, Ю. Хабермаса¹⁸, Дж. Мида¹⁹ она выступает как фактор, детерминирующий социальную идентичность и «удерживающий» культурную память. Проблема взаимосвязи традиции с ценностями частично затрагивается в работах Б. Малиновского, Р. Инглхарта и К. Вельцеля²⁰, В.Б. Иорданского²¹, Л.В. Баевой²², А.А. Ивина и других исследователей, а ценностно-смысловой стороны социальной реальности касаются авторы, развивающие концепцию «центр-периферия» (Э. Шилз, Ш. Эйзенштадт, Л. Гринфилд, М. Мартин, С.И. Каспэ²³ и др.). Акцент на ценностных основаниях различных типов обществ, хотя и не явно выраженный, обнаруживается в работах исследователей, изучающих проблемы индустриальных и постиндустриальных хозяйственных систем (Д. Белла²⁴, О. Тоффлера, Дж. Гэлбрейта²⁵, З. Баумана, В.Л. Иноземцева²⁶ и др.).

Традиция как социальный феномен исследуется в самом широком смысле во многих современных философских, культурологических, социологических, религиоведческих, антропологических школах и затрагивается в работах мыслителей постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.)²⁷; в философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер²⁸, П. Рикер и др.); в структуралистской лингвистике и культурологии (К. Леви-Стросс²⁹, Ф. де Соссюр, Р. Барт, Р. Якобсон и др.); в символическом интеракционизме

¹⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004.

¹⁸ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: ACADEMIA, 1995.

¹⁹ Mead G.H. Mind, Self and Society: from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1936.

²⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011; Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-32; Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press. 1997.

²¹ Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982.

²² Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004.

²³ Каспэ С.И. Апология центра: о забытом методологическом ресурсе политической науки // Полис. Политические исследования. 2005. №1. С. 5-24; Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

²⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.

²⁵ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб: Terra Fantastica, 2004.

²⁶ Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67-77; Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 140-152.

²⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013; Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

²⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

²⁹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2011.

(Дж. Г. Мид, И. Гофман, Г. Блумер и др.); в постструктуралистских исследованиях интерпретативной антропологии (Кл. Гирц³⁰, М. Блох и др.).

Нельзя обойти вниманием направление социально-философской мысли, заявившее о себе как интегральный традиционализм и претендующее на апологию и возрождение традиционных форм религиозной и социальной жизни. Это направление преимущественно представлено в трудах Р. Генона³¹, А. Кумарасвами³², А. Бенуа, Ф. Шуона³³, Ю. Эвола, Т. Буркхардта и ряда других исследователей, в которых острая критика социального порядка, идеологии и культуры модерна дается в контексте эзотерического подхода к истории человечества, а традиция рассматривается как метафизическая основа бытия и трансцендентная реальность. К интегральному традиционализму примыкает герменевтическая феноменология религии М. Элиаде³⁴. Исламское «крыло» данного направления мысли представлено работами С.-Х. Насра³⁵.

Отечественные исследователи советского периода преимущественно акцентировали внимание на проблемах соотношения традиции и инновации, сущности стереотипизации и поиске универсальных закономерностей перехода от традиционных к современным формам социального устройства общества (С.А. Арутюнов, Д.М. Балашов, А.С. Шушарин, А.И. Першиц, Л.И. Рейснер и др.)³⁶. Само понимание традиции во многом находилось в зависимости от оценки ее роли в становлении социума и осмысливалось в русле формационного подхода (В.Б. Власова, И.В. Суханов, Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов, Б.С. Ерасов, К.В. Чистова и др.)³⁷. В постсоветский период переосмысление основных положений марксистского понимания истории привело к смещению внимания исследователей в сторону проблем поиска путей модернизации традиционных обществ (А.Н. Ерыгин, С.П. Иваненков, К.Х. Момджяна, Н.Ф. Наумова, В.Г. Федотова, В.А. Ядов и др.). Кроме того, в отечественную философскую литературу и культурно-публицистический дискурс постсоветской эпохи вошли идеи представителей зарубежного

³⁰ Geertz Cl. From the Native's Point of View: On the Nature of Anthropological Understanding // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 28. No. 1. 1974. PP. 26-45; Geertz Cl. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // The Interpretation of Cultures: Selected Essays. NY: Basic Books, 1973.

³¹ Генон Р. Восток и Запад. М.: Беловодье, 2005; Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000.

³² Coomaraswamy A. The Bugbear of Literacy. Bedford, Middlesex: Perennial Books, 1979.

³³ Schuon F. The Transcendent Unity of Religions. Wheaton, IL: Quest, 1984

³⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проспект, 2010; Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998; Элиаде М. Религии Австралии. СПб.: Университетская книга, 1998.

³⁵ Nasr S.H. Knowledge and the Sacred. Albany: State University of New York Press, 1989.

³⁶ Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. №2. С. 97-99; Балашов Д.М. Традиционное и современное // Наука и религия. 1965. № 12. С. 26-30.

³⁷ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000; Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986; Чистов К.В. Традиция, «традиционное» общество и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105-107.

интегрального традиционализма. Работы отечественных исследователей А.Г. Дугина³⁸, В.В. Аверьянова³⁹, А.М. Малера, С.Ф. Черняховского, Ш.З. Султанова, В.М. Симчеры и др. построены на творческом освоении концепций крупных традиционалистских мыслителей и представляют собой своеобразную адаптацию идей интегрального традиционализма применительно к российской почве.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, которые с различных методологических позиций и в рамках различных концепций рассматривают генезис и содержание традиции, в социально-философской литературе недостаточно внимания уделено проблеме соотношения сложившихся у индивида ценностных ориентаций и традиций, носителем которых он является, а также не в полной мере раскрыты механизмы, причины и факторы их динамизма под воздействием масштабных социальных трансформаций.

Объектом исследования – традиция в ситуации коренных социальных преобразований.

Предмет исследования – динамика традиции в связи с изменением ее ценностного статуса под воздействием радикальных социальных трансформаций.

Цель исследования – выявление, в ходе социально-философского анализа, основных тенденций существования традиции в трансформирующемся социуме, в связи с изменением ее ценностного статуса.

В соответствии со сформулированной целью в диссертации поставлены следующие **задачи**:

- осуществить анализ и сопоставление существующих представлений и методологических подходов к трактовке и сущностному определению феномена традиции в социально-философской мысли;
- исследовать заложенную в традиции способность детерминировать и поддерживать в индивиде социокультурную идентичность;
- выявить причины возникновения и исторического противостояния традиционалистских и антитрадиционалистских воззрений с позиции социально-философской рефлексии различных исторических эпох;
- раскрыть ценностно-смысловое содержание «центр-периферийных» отношений и место традиции в данных отношениях;

³⁸ Дугин А.Г. Либерализм – угроза человечеству // Журнал «Профиль». № 12. 31.03.2008; Дугин А. Метафизика Благой Вести (Православный эзотеризм). М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1996.

³⁹ Аверьянов В.В. Природа русской экспансии. М.: Лепта-Пресс, 2003; Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012.

– исследовать различные аспекты существования / изменчивости традиции в условиях социальных трансформаций, в частности, на примере становления постиндустриального уклада.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют идеи и труды отечественных и зарубежных исследователей в области социальной философии и аксиологии, социологии развития и культурной антропологии, заложивших основы современного понимания традиции как элемента социокультурного бытия. Для более детального исследования разных форм проявления традиции в условиях социальных трансформаций используются принципы историзма и динамизма, методология междисциплинарного синтеза, а также методы философской компаративистики.

Наиболее существенной опорой работы в методологическом плане явились концепции и направления социально-философской мысли, исследующие традицию с оценивающей позиции и представленные, прежде всего, в работах Э. Шилза и Ш. Эйзенштадта. В качестве сквозной методологии на протяжении всего исследования использовался символический интеракционизм Дж. Мида и интерпретативная антропология К. Гирца. Также в рамках настоящего исследования использовались методологические идеи герменевтики Х.-Г. Гадамера, феноменологии религии М. Элиаде и интегрального традиционализма Р. Генона. Анализ исторической динамики традиции, ее соотношения с культурной памятью и социокультурной идентичностью сообщества и индивидов осуществлялся с опорой на идеи Я. Ассмана и Э. Хобсбаума.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые предпринята попытка осуществить анализ традиции с помощью последовательного субъектно-аксиологического подхода. Социально-философское рассмотрение основных тенденций изменения традиции под воздействием радикальных социальных трансформаций осуществляется с использованием понятия «ценностный статус традиции». Новизна данного исследования конкретизируется в следующих основных **научных результатах**:

1) На основе сравнения основных социально-философских подходов к трактовке традиции введен и обоснован, в качестве наиболее соответствующего целям исследования, субъектно-аксиологический подход. Преимущество данного подхода определяется тем, что он значительно

расширяет возможности для объяснения динамики традиции в исторической ретроспективе. Он подразумевает не только осознанный отбор традиции субъектом, но и нерелексивное соотнесение традиции со своими ценностными ориентациями и следование ей.

2) Введен термин «ценностный статус традиции», под которым подразумевается значимость той или иной традиции для передачи накапливаемого опыта, сохранения и воспроизводства основополагающих для субъекта ценностных ориентаций из поколения в поколение. Установлено, что вопрос о ценностном статусе традиции актуализируется в период социальных трансформаций, приводящих к переоценке устоявшихся в социуме ценностей. Под их воздействием традиция становится предметом напряженной рефлексии и осмысления со стороны субъекта, что предопределяет различные вариации судьбы традиции в социальной жизни (она консервируется, ослабевает, отмирает, изобретается или модифицируется).

3) С опорой на концепцию «центр и периферия» установлено, что среди выполняемых традицией функций важнейшее место занимает межпоколенная ретрансляция ценностей из центра на периферию. Эта функция традиции, в свою очередь, нацелена на укрепление «иммунитета» социума против дестабилизирующих факторов и угроз, насыщение и «пропитывание» пространства социальных действий сообразно ценностным установкам центра. В то же время выявлено, что в случаях всеохватывающих и интенсивных социальных трансформаций функциональное воздействие традиции может обернуться сдерживанием социальной модернизации общества и служить источником сопротивления периферии центру, вызывая в ней отторжение к устоявшимся, но уже устаревшим ценностным ориентациям.

4) На основе анализа изменений в ценностных основаниях социума в процессе его перехода из индустриального в постиндустриальное состояние, установлено, что многие общества утрачивают социальнокультурные черты, обусловленные индустриальным укладом, и приобретают новые признаки, свидетельствующие о формирующемся гражданском обществе и более гуманистическом характере межличностных отношений. Одновременно выявлено, что становление качественно иного социума наталкивается на сдерживающие факторы, среди которых к наиболее значимым следует отнести усложняющийся комплекс социальных отношений по мере «углубления» постиндустриального уклада, а также традиционалистские воззрения, наличествующие в той или иной форме в любых типах обществ и нацеленные на сохранение существующих ценностных ориентаций.

Научная новизна полученных результатов исследования нашла отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1) Традиция выступает важнейшей формой присутствия идеального, должного и нормативного в реальном мире. Она выступает «каналом для прохождения» ценностей в сферу повседневности, закрепляет их в сознании индивидов и сообществ, передаваясь от поколения к поколению. Посредством следования традиции осуществляется «вхождение» индивида в культурно-историческое пространство социума и усваивание им языков своей культуры, убеждений и поведенческих практик. Традиция позволяет человеку ощущать себя частью этноса (общности), соотносить себя с прошлыми поколениями, поддерживать и воспроизводить социокультурную идентичность.

2) Попытки дать единое и универсальное определение традиции сталкиваются с рядом гносеологических трудностей, что обусловлено ее содержательной широтой и многоаспектностью. Выработка более удовлетворительной дефиниции требует учета ценностного отношения к традиции со стороны субъекта культуры, что позволяет раскрыть в данном феномене такие свойства, как динамизм и темпоральная изменчивость, а также заложить основу для введения нового субъектно-аксиологического подхода к пониманию традиции, учитывающего ценностное «измерение».

3) Введенный субъектно-аксиологического подход к трактовке традиции открывает возможности для выявления условий и факторов изменения ценностного статуса традиции, ее роли и содержания на разных этапах развития социума, а также позволяет прояснить причины возникновения и закономерностей взаимодействия двух антагонистических идейных воззрений – традиционализма и антитрадиционализма. Выявлено, что противоборство мнений в рамках этих воззрений заметно активизируется в периоды радикальных социальных трансформаций, наблюдаемых в переломные эпохи истории.

4) Воздействие социальных трансформаций на общественное и индивидуальное сознание способно привести к переосмыслению (переоценке) ценностных оснований бытия, и как следствие, к изменению ценностного статуса традиции, ее роли в трансляции и воспроизводстве устоявшихся ценностных ориентаций из поколения в поколение: значение традиции может как возрасти, так и снизиться, что, в свою очередь, предопределяет различные вариации ее «судьбы» в жизни социума – одни общества консервируют, обретают или «изобретают» традиции, становясь более традиционными, другие – утрачивают, ослабляют или разрушают их, эволюционируя в направлении от традиционных норм и моделей социальных институтов к современным.

5) В традиции обнаруживается проявление природы центра, его стремление властвовать над периферией. Это обуславливает возникновение многообразных напряжений внутри социума, хотя и имеющих зачастую скрытый характер, служит источником кризиса ценностей и актуализирует вопросы поиска и репродукции новых ценностных ориентаций.

6) Социальные трансформации, обусловленные постиндустриальными тенденциями, спровоцировали значительные ценностные сдвиги в массовом сознании и обусловили широкое восприятие ценностей секулярно-рациональных в различных социумах. Эти сдвиги приводят к созреванию в недрах постиндустриального общества нового типа социального конфликта, вызванного ценностным антагонизмом новых социальных групп – класса интеллектуалов и отчужденного класса. Социальный конфликт принимает скрытую форму и, как правило, «переносится» в политическую плоскость.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что основные выводы и результаты позволяют углубить имеющиеся теоретические представления по вопросам ценностного содержания традиции, раскрыть потенциал идеи ценностного статуса традиции в осмыслении основных тенденций динамики традиции в условиях радикальных социальных перемен. Развитый в диссертации субъектно-аксиологический подход к пониманию традиции позволяет глубже понять ее сущностные характеристики, определить единую основу различных аспектов ее существования и динамики в меняющемся социуме, понять механизмы поддержания социокультурной идентичности, а также позволяет обозначить роль традиции в переходе общества на качественно новый уровень.

Материалы исследования и полученные выводы могут быть использованы в разработке и чтении общих и специальных курсов по социальной философии, культурологии, социальной и культурной антропологии, религиоведению и социальной психологии, а также при подготовке и чтении спецкурсов, посвященных дискуссионным проблемам современности: глобализации, проблеме национальной и социокультурной идентичности, проблеме инноваций и преемственности.

Апробация и реализация результатов исследования.

Основные идеи работы были представлены на аспирантских и методологических семинарах кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Апробация материалов диссертационного исследования осуществлялась в ходе проведения семинарских занятий по курсу «Философия» в МГУ им. М.В. Ломоносова (2014 г.).

Основные положения работы были представлены в докладах на следующих конференциях:

- XX Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013»;
- XXI Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014»;
- XXII Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015»;
- XXV Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018».

Публикации. По теме диссертации опубликовано в открытой печати 12 научных работ, в том числе 7 работ в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, и 4 работы в рецензируемых научных изданиях из перечня, утвержденного решением Ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается выбор и актуальность темы диссертации, освещается степень научной разработанности проблемы, формулируется цель и вытекающие из нее задачи исследования, указываются его теоретико-методологические основания и научная новизна, выдвигаются положения, выносимые на защиту, обозначаются научно-практическая значимость и результаты апробации основных идей исследования.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Интерпретация традиции в рамках социально-философского дискурса» посвящена исследованию существующих идейных представлений и методологических подходов к пониманию и трактовке традиции, анализу различных течений социально-философской мысли, прямо или косвенно затрагивающих данный феномен в исторической ретроспективе, раскрытию присущих традиции свойств и особенностей.

Первый параграф «Проблема определения традиции и ее ценности»

состоит из двух частей. В первой части параграфа дается обзор и сопоставление различных смысловых подходов к социально-философской трактовке феномена традиции. Наличие этих подходов обусловлено многоаспектностью и содержательной широтой традиции, допускающей как научное, так и повседневное употребление данного понятия в широком контексте для обозначения различных типов связи с прошлыми поколениями и исторической памятью. Нами подчеркивается, что, несмотря на ее качественное и общепринятое отличие от других феноменов, связанных с трансляцией (передачей) чего-то кому-то, традиция, тем не менее, может пониматься по-разному в зависимости от ракурса восприятия и интерпретации индивидуальным сознанием. Отмечается, что акцент в трактовке традиции может указывать на ее функциональный аспект (когда на передний план выносятся повторяющийся во времени процесс трансляции тех или иных элементов социокультурного наследия конкретной общности из поколения в поколение), объектный аспект (когда внимание переносится на то, что именно наследуется, т.е. на сам объект наследования, который передается от поколения к поколению) и субъектный аспект (когда первостепенно значимым представляется интерпретирующее и оценивающее отношение потенциального или реального носителя традиции к элементам наследия прошлого, возникающее у него осознанно и в зависимости от своих предпочтений). Рассмотренные подходы учитывают многоаспектность проявления традиции, позволяют конкретизировать ее специфические характеристики, но в то же время приводят нас к заключению, что в социально-философской литературе не существует единой и универсально признанной дефиниции традиции.

Мы указываем, что в рамках субъектного подхода содержание социокультурного наследия становится неотделимым от ценностной позиции и сознательного выбора его носителя, что в свою очередь открывает возможности для понимания изменчивости и динамизма традиции, объяснения механизмов и причин ее возникновения, консервации или исчезновения. Тем не менее, ни один из подходов (включая субъектный) не лишен недостатков (их мы раскрываем в настоящем параграфе). Это позволяет нам в завершении первой части параграфа обозначить следующие шаги в рамках нашего исследования – акцентировать внимание на проблему соотношения сложившихся у индивида ценностных ориентаций и традиций и на этой основе выработать методологическую базу для уточнения субъектного подхода к пониманию традиции.

Во второй части параграфа исследуются присущие традиции функции, направленные на удовлетворение психологической потребности человека в установлении своей социальной идентичности, необходимой ему для социальной адаптации в окружающем мире. Краткий обзор исследований, посвященных проблематике идентичности, позволяет заключить, что индивид стремится «подстраивать» свое социальное сознание к окружающей его социальной среде, характеризующейся конкретной совокупностью норм, установок, запретов, традиций, образцов поведения, культурных паттернов и ценностей в целом. Обретая определенную социокультурную идентичность, индивид, по словам Г.С. Кнабе, удовлетворяет потребность «ощущать себя частью более широкого множества и воспринимать такую принадлежность как ценность»⁴⁰. Традиция в данном контексте, с одной стороны, предстает в качестве важного инструмента постижения мира, становится предпосылкой успешной инкультурации и социализации субъекта и задает определенную программу его социального поведения в рамках конкретной культуры вследствие идентификации с принятыми эталонами и стандартами поведения в социуме. С другой стороны, она подразумевает не только добровольное, но и принудительное подчинение человека воле и правилам большинства, соблюдение им установленных и закрепившихся за многие поколения эталонов и стереотипов поведения. В конце второй части параграфа подчеркивается, что функция поддержания социокультурной идентичности, заложенная в традиции, хотя и «оправдывает» подчинение человека этому феномену и формируемым им поведенческим паттернам, но в то же время может вызывать отторжение от традиции в условиях, когда индивид в силу различных социальных трансформаций и проникновения новых знаний перестает идентифицировать себя как часть конкретной общности, нации, этноса, культуры.

Второй параграф «Идея традиции в истории социально-философской мысли до начала XX века: противостояние традиционализма и антитрадиционализма» посвящен анализу причин возникновения и исторического противостояния традиционалистских и антитрадиционалистских социально-философских воззрений, сложившихся в рамках различных школ социально-философской мысли. Противостояние выражается в рассмотрении традиции в одних случаях в качестве важнейшего фактора, обеспечивающего благополучие общества, сохранение социальной и культурной идентичности, достижение устойчивости и преемственности опыта поколений, времен и эпох, а в других – как препятствия на пути социального прогресса, как фактора,

⁴⁰ Кнабе Г.С. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М.: РГГУ, 2003. С. 5.

консервирующего существующий на определенном историческом этапе уклад жизни. Подчеркивается, что такое отношение к традиции характерно как для восточной, так и западной философской традиции. Конфуцианство, к примеру, закладывает основу для системы социального порядка и морали, требующей от индивида глубокого чувства уважения к традиции и культу предков, в то время как противостоящий конфуцианскому учению легизм вступает против авторитета древности и традиций, презрительно считая их устарелым пережитком и препятствием на пути преобразований и государственного строительства. Схожим образом двойственность по отношению к традиции проявляется в европейской истории, например, в связи с развитием двух крупных течений – консерватизма, представляющего собой своеобразную апологию и защиту прошлого и связанных с ней идеалов и ценностей, и рационализма в широком смысле, с позиций которого велось критическое осмысление прошлого.

Необходимо при этом обозначить, что в западной социально-философской мысли эта двойственность прослеживается на протяжении всей европейской истории с начала Нового времени. Антитрадиционалистские воззрения выражаются как в форме сомнений в гносеологической значимости традиции (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Дж. Локк), так и в более радикальных убеждениях в том, что исторический прогресс неизбежно совершается ценой отказа от традиций и оков прошлого (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, Г. Тард). Однако нами подчеркивается, что радикализм антитрадиционалистов носит умеренный характер. Даже Маркс, при всей его кажущейся антитрадиционности с его резкими тезисами, такими как «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁴¹, подчеркивает прогрессивное значение традиции в границах определенной исторической эпохи, а высвобождение общества от традиции возможно, по мнению мыслителя, лишь по мере складывания условий и общественного сознания, соответствующих новой формации.

Традиционалистские воззрения возникают, как правило, в форме идеологической и политической реакции на распространение рационалистических идей, зачастую содержащих в себе антитрадиционалистский оттенок. Они акцентируют внимание на важности преемственности в общественном развитии и необходимости учета накопленной мудрости минувших поколений (Э. Бёрк, Л. де Бональд, Ж. де Местр, Р. де Шатобриан), сохранении национальной культурно-исторической

⁴¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С.119.

традиции и обращении к наследию прошлого, достаточного для обновления или развития старого общества (Ф. Шлегель, Ф. Гёльдерлин, Ф. фон Гарденберг (Новалис), К. Brentано, А. фон Арним, Ф. Шлейермахер), опасностях для общества в связи с нарушением социальной связи и социальных отношений при «восстании живых против мертвых» (О. Конт, Э. Дюркгейм).

В заключении параграфа подчеркивается, что противоборство традиционалистских и антитрадиционалистских позиций носит устойчивый характер, однако оно заметно активизируется в периоды резких социальных трансформаций, наблюдаемых в переломные эпохи истории и влияющих на состояние и стабильность социума. Активизирует эту «борьбу» присущий переходным этапам человеческой истории процесс переоценки / переосмысления ценностных ориентаций. Этот процесс оказывает непосредственное воздействие на состояние и изменчивость традиции.

Третий параграф «Споры о сущности и значимости традиции в современной социально-философской мысли: основные позиции» состоит из двух частей. В параграфе проводится анализ современной социально-философской мысли, затрагивающий феномен традиции. В первой части параграфа данный феномен исследуется в контексте интеллектуального опыта XX века, ставшего в значительной мере концептуальным отражением трансформационных процессов, затронувших многие культуры. Мы выяснили, что в рамках этих социально-философских течений традиция рассматривается с иного ракурса. К примеру, обращение к ней в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера продиктовано стремлением постичь и обосновать исходные универсальные характеристики человеческого бытия и культуры, не поддающиеся релятивизации. Согласно мыслителю, в традицию тесно вплетены предрассудки, благодаря которым обеспечивается формирование единого смыслового континуума между интерпретатором и интерпретируемым, она не только объясняет индивиду мир и способы существования в нем, но и служит связующим звеном между бытием и историей. Гадамер формулирует широко известный тезис о слиянии горизонтов и утверждает, что «там, где царит традиция, старое и новое всегда срастаются в живое единство, причем ни то, ни другое вообще не отделяется друг от друга с полной определенностью»⁴². Сторонники других социально-философских направлений (символический интеракционализм, структурная антропология, интерпретативная антропология) наделяют традицию знаково-символическим содержанием, способствующим формированию общих смыслов и выстраиванию коммуникации.

⁴² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 362-363.

В постмодернистском дискурсе, провозглашающем относительность всякой определенности, безграничную вариативность понимания и отрицание жесткого доктринального монологизма, традиции перестают рассматриваться как символические начала, несущие в себе устойчивое смысловое содержание. Нам представляется, что постмодернистское мышление в отношении к традициям занимается двумя взаимоисключающими вещами: осуществляет их деконструкцию и в тоже время их реконструкцию, связанную с отрицанием первосмыслов и одновременно «сборкой» новых смыслов. На первый взгляд, некоторые аспекты постмодернизма свидетельствуют о его ретроспективности и возврате к традиции (например, обращение постмодернистского искусства к традиционным образам прошлого, использование старых форм и стилей). Однако данное обращение не имеет реальной связи с традицией, поскольку цель постмодернизма не в обеспечении преемственности, а в извлечении и заимствовании разрозненных фрагментов из традиционных контекстов различных эпох, регионов и культур для дальнейшего произвольного их использования или же объединения в новые контексты. В результате заимствованные элементы утрачивают свою первоначальную ценностную основу, размываются в социально-культурном пространстве и приобретают совершенно иное звучание. Проявляя мало интереса к прошлому как таковому, постмодерн использует элементы наследия прошлого преимущественно в стилизаторских целях и деисторизирует практически все, на чем оно основано. Это приводит к обесцениванию традиции, лишению ее субстанциональности, ее растворению в плюрализме восприятия мира, профанации и низвержению до уровня простого восприятия как элемента декорации, культурной экзотики, антиквариата. Иными словами, сама традиция превращается в симулякр.

Во второй части параграфа более детально разбирается концепт традиции в различных современных религиозных и философско-политических течениях консервативной направленности и, в частности, таких, которые носят неакадемический характер. Речь, прежде всего, идет о направлении мысли, обозначаемом в научной литературе как интегральный традиционализм. Мы установили, что выделяемый в дискурсе «интегральных» традиционалистов трансцендентный аспект в этом явлении свидетельствует об их устремленности к первородной духовной и метафизической реальности, воплощенной в аутентичной Традиции (с большой буквы). Можно утверждать, что в воззрениях данных традиционалистов эта изначальная Традиция ведет к восстановлению памяти о бытии и достижению более глубокой онтологической укорененности существования. Традиционные формы социальности и культуры в этом контексте становятся проявлением вневременных архетипических

структур и значений, восходящих к нуминозному истоку. Благодаря этому исторический уровень существования и сознания связывается с трансисторическими уровнями реальности и приобретает метафизическую перспективу. Именно из этой исходной позиции, которой придерживаются последователи интегрального традиционализма, формируется неприятие ими современного мира со всеми присущими ему модернизационными процессами и динамикой. Примечательно при этом, что попытки раскрыть ценностные основания традиции в рамках идеологического и эзотерического контекста, пронизывающего интегральный традиционализм, оказываются несостоятельными, а выявить ее гносеологическую ценность – трудноразрешимыми. Соответственно, в заключении этой части параграфа мы посчитали возможным указать на проблематичность использования основополагающих положений интегрального традиционализма в целях объективно-научной интерпретации и определения феномена традиции.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Ценностные аспекты традиции в меняющемся социуме» посвящена исследованию взаимосвязи между традицией и ценностными ориентирами человека, разработке более точного подхода к интерпретации традиции, учитывающего ценностную «систему координат», и выявлению различных аспектов существования и изменчивости традиции, вариации ее «судьбы» в жизни социума в условиях социальных трансформаций.

В первом параграфе «Субъектно-аксиологический подход в интерпретации традиции» вводится новый подход в трактовке традиции «субъектно-аксиологический» и термин «ценностный статус традиции». Под «ценностным статусом традиции» мы подразумеваем место традиции в «аксиологическом пространстве человеческого бытия» и обозначаем значимость традиции для сохранения / воспроизводства субъектом своих ценностных ориентаций (таких как почитание предков, приверженность к религиозным заповедям или нравственным принципам, стремление к справедливости, привязанность к своему этносу, уважение к старшим и т.д.). Мы предполагаем, что традиция, имеющая высокий ценностный статус, выступает важнейшим «каналом для прохождения» ценностей в сферу повседневности. Посредством следования традиции субъект «входит» в культурно-историческое пространство социума и усваивает языки своей культуры, убеждения и поведенческие практики. Это позволяет субъекту ощущать себя частью этноса (общности, группы), соотносить себя с прошлыми поколениями, поддерживать и воспроизводить ценностные ориентиры из поколения в поколение на протяжении длительного времени.

В обществах с высоким ценностным статусом традиции доминируют консервативные воззрения, ценностные ориентации не подлежат переосмыслению, а традиция выступает как эффективный инструмент их защиты и воспроизводства, снижения интенсивности кризисных проявлений, вызываемых социальными трансформациями. Отсюда мы заключаем, что традиции в подобных обществах не подлежат субъектной интерпретации, они не могут осознанно отбираться или оцениваться субъектом в зависимости от своих предпочтений, а любые попытки отказаться от традиции и переосмысления ее роли грозят субъекту общественным порицанием, изгнанием из привычной социальной группы, принуждением к конкретным действиям и различного рода наказаниями.

Введенный нами субъектно-аксиологический подход допускает, что ценностное отношение к традиции может происходить и на уровне не до конца осознанном (когда субъект следует ей, исходя из усвоенных им ценностных установок, но не предаётся рефлексии о ней). Традиция в этом случае выступает своего рода естественным канонem, соотносящим субъекта с его принципами, убеждениями и установками, и не нуждающимся в осмыслении. Одновременно субъектно-аксиологический подход допускает и осознанный отбор традиции, приводящий к изменению ценностного статуса, что, в свою очередь, предопределяет периодическую смену ценностных ориентаций, происходящих время от времени в общественной жизни.

Мы полагаем, что критическое отношение к традиции возникает в социуме, в значительной степени подверженном социальным трансформациям. Под их воздействием размываются общие ценностные ориентации, утрачиваются нормы и устои, доставшиеся от прошлых поколений, теряется связь с предками. Между традицией и сложившимися, но уже неактуальными ценностными ориентациями нарушается функциональная связь. Носители новых культурных установок утрачивают общий язык с носителями устоявшихся ценностей, для которых традиции и социальное наследие прошлого в целом выступают предметом непререкаемой веры, позволяющим не только ориентироваться в мире, но и сберечь свою идентичность и воспроизводить ценностные ориентации из поколения в поколение. Социальные трансформации, в свою очередь, воспринимаются носителями традиций весьма болезненно: они обостряют этническое самосознание, усиливают потребность к самосохранению и защите идентичности. Как следствие, возрастает общее сопротивление переменам, выражающееся в самых различных формах: от растущей ностальгии по утраченному прошлому до целенаправленной консервации (сохранения) и, подчас, агрессивной защиты

элементов социокультурного наследия и любых групповых представлений, сформировавшихся за многие предшествующие годы и унаследованных от предыдущих поколений.

В то же время, трансформации могут носить настолько глобальный и всепроникающий характер, что их сдерживание оказывается не под силу даже наиболее ориентированным на традицию социумам, а смена ценностных ориентаций, сопровождающаяся замещением устаревших ценностей новыми, более адаптированными и соответствующими духу времени, может оказаться весьма успешным для социума. Критически настроенные к традициям индивиды, будучи освобожденными от сложившихся предписаний и моделей поведения, могут способствовать социальному и интеллектуальному прогрессу, привнести новые знания. Апологеты традиции не в силах противостоять переменам, а сами традиции не способны выполнять функцию негенетической передачи накапливаемого опыта и воспроизводства ценностей из поколения в поколение. Соответственно, общества с ослабленным «иммунитетом» против социальных трансформаций, хотя и подвергаются рискам потери части ценностного наследия, все же способны совершить успешный переход на новый уровень развития менее болезненно.

В заключении параграфа делается вывод, что введенный нами субъектно-аксиологический подход преодолевает недостатки ранее рассмотренных подходов в трактовке традиции. Он учитывает вопрос о ценностном статусе традиции, позволяет значительно расширить возможности для объяснения изменчивости и динамики традиции в исторической ретроспективе, точнее рассмотреть и исследовать различные аспекты его существования, особенно в условиях радикальных трансформаций, периодически и повсеместно переживаемых социумом.

Во втором параграфе «Ценностный статус традиции сквозь призму «центр-периферийных» отношений» более подробно исследуется проблема изменчивости ценностей в условиях социальных трансформаций. Предпринята попытка раскрыть причины переоценки ценностных ориентиров в индивидуальном и общественном сознании с опорой на концепцию «центр и периферия», в частности, на исследования Э. Шилза и Ш. Эйзенштадта⁴³.

В параграфе выявлено ценностно-смысловое содержание центра и характер его воздействия на периферию, а также показано естественное стремление центра к властвованию над периферией, сохранению сложившейся ценностной системы и укреплению «иммунитета» социума против

⁴³ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

дестабилизирующих факторов. Традиция при этом выступает в качестве феномена, производного (продуцируемого) из «центральной ценностной системы общества» и выступающего в форме механизма, не только сдерживающего трансформационные процессы, но и транслирующего ценностное содержание центра на периферию и организующего пространство социальных действий. При этом масштабность и высокая интенсивность социальных изменений, характерная, в особенности, для современной стремительно глобализирующейся эпохи, может завершиться как возвышением периферии над центром и весьма болезненной «перенастройкой» ценностных основ бытия, так и жестким подавлением периферии центром и успешной консервацией сложившейся ценностной системы.

В то же время, мы обращаем внимание на тот факт, что в рамках разработки концепции «центр и периферия» исследователи не в полной мере уделяют внимание истокам возникновения многообразных напряжений, «конфликтов» во взаимоотношениях между этими сторонами, не затрагиваются периоды протекания кризиса ценностей и порождающих ее факторов. Остаются недостаточно изученными случаи распространения социальных трансформаций, приводящих к переосмыслению содержания центральной ценностной системы и актуализирующих вопросы поиска и репродукции новых ценностных ориентаций и их «распространения» на периферию. Это позволило нам обнаружить потенциал для сближения весьма стройной концепции Шилза с введенным нами субъектно-аксиологическим подходом в трактовке традиции, и, в частности, объяснить различные перспективы существования традиции в жизни социума:

– *Сохранение традиции.* В обществах с высоким ценностным статусом традиции социальные изменения, содержащие в себе угрозы ценностям, принадлежащим центральной ценностной системе общества, вызывают резкую охранительную реакцию со стороны носителей традиции, выражающуюся в форме усиления каналов ретрансляции ценностей на периферию, в настойчивом принуждении к соблюдению принятых в обществе традиций и устоев с помощью достаточно жестких и репрессивных мер. Цель такой стратегии – не допустить в сознание реципиентов (общности) элементов, противоречащих содержанию структурообразующих установок центральной ценностной системы. Традиция в ее универсальном понимании рассматривается как эффективный инструмент сохранения существующих ценностей на протяжении многих поколений, снижения интенсивности кризисных проявлений и положительного влияния на духовно-нравственные отношения и на общество в целом.

– *«Изобретение» традиции.* Когда социальные трансформации носят всепроникающий и масштабный характер действия центра зачастую неспособны предотвратить их воздействие на периферию. Но неготовность самого центра совершить «ценностную перестройку», впитать в себя новые ценности и распространяющиеся с ними знания, адаптироваться к новым реалиям и отказаться от устаревших традиций, сдерживающих социальную модернизацию, может обернуться резкой ответной реакцией (сопротивлением) периферии и ее вторжением в центр. Для легитимации нового центра, утверждения системы взаимоотношений с новой периферией и ретрансляции новых ценностей и норм поведения приходится прибегать к «изобретению» традиции (термин Хобсбаума и Рейнджера⁴⁴), т.е. искусственно и осмысленно придавать статус традиционности тому или иному элементу социальной практики. Для этого ему приписывается ритуальный и символический характер, а также подбирается и «присоединяется» к нему историческое прошлое. Искусственно сконструированная, или «изобретенная» традиция позволяет сохранить ощущение преемственности с историческим прошлым, смягчить «шок от настоящего», структурировать «новую» реальность как неразрывное целое, создать иллюзии исторического единства социума.

– *Ослабление и отмирание традиции.* Социальные трансформации, протекающие под воздействием процесса глобализации, экономических трансформаций, смены социально-политической или национально-культурной идеологии и т.д., могут инициировать необратимые процессы переоценки ценностей в сознании носителей традиции и привести к размыванию традиции в социуме. Они неспособны сосуществовать с новыми условиями жизни, молодое поколение не желает перенимать жизненный уклад и взгляды предшествующих поколений. В обществе прослеживается постепенный переход от веры в ценность традиции к их неприятию. Открытость центра к социальным изменениям и вызовам способствует распространению новых ценностных ориентаций и утрате старых ценностей. В результате традиция, «привязанная» к ценностям, утратившим свою актуальность, все меньше воспринимается как безусловное благо и отмирает.

В данном параграфе мы приходим к выводу о том, что традиции свойственен динамизм: в зависимости от характера, интенсивности и масштаба социокультурных перемен она в одних случаях может консервироваться и воспроизводиться из поколения в поколение, обретаться или «изобретаться», делая социум более традиционным, однако в других случаях та или иная

⁴⁴ Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

традиция может утратить свои позиции, ослабеть в общественной жизни, модифицироваться в иную форму социальной регуляции или вообще отмереть.

В третьем параграфе «Изменение ценностного статуса традиции в процессе становления постиндустриального общества» предлагается обращение к факторам и процессам, способствующим динамике традиций при переходе социума из индустриального в постиндустриальное состояние. Мы акцентируем внимание на том, что в ценностных основаниях различных типов обществ обнаруживаются заметные отличия, которые можно методологически разделить по типу технологического и хозяйственного базиса. Мы показываем, что под воздействием постиндустриальных тенденций многие общества утрачивают социально-культурные черты, обусловленные индустриальным укладом, и приобретают новые признаки, свидетельствующие о новом и непривычном характере межличностных отношений и ценностной основы. В частности, можно констатировать, что распространения постиндустриального уклада оборачивается тем, что базовые принципы общественного устройства и ценности индустриального общества утрачивают свою актуальность, в то время как возрастают потребности во благах нематериального характера, повышается значимость личной независимости, самовыражения, человеческого достоинства, общественного признания, т.е. в социуме распространяются ценности более высокого порядка (постматериальные ценности, по выражению Р. Инглхарта⁴⁵). Дж. Гэлбрейт справедливо замечает, что «высокий уровень производства и дохода, являющийся результатом применения передовой технологии и крупных масштабов производства, приводит к тому, что на весьма значительную часть населения перестает давить бремя забот, связанных с удовлетворением элементарных физических потребностей»⁴⁶. Все это в свою очередь ведет к снижению ценностного статуса традиций, актуальных для индустриальной эпохи, их ослаблению и, в конечном счете, отмиранию.

Вместе с тем, нами установлено, что распространение постиндустриальных тенденций становится весьма болезненным для той части социума, в которой преобладают в той или иной форме традиционалистские воззрения, нацеленные на сохранение существующих ценностных ориентаций. Сопутствующий этим тенденциям перенос чужих технологических нововведений, поведенческих паттернов и норм на привычную культурную и институциональную почву приводит, во-первых, к «размыванию» национальной идентичности и ценностным сдвигам в массовом сознании, неприемлемым для традиционалистских слоев общества. Во-вторых, этот

⁴⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

⁴⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига; СПб: Terra Fantastica, 2004. С. 19.

процесс провоцирует рост социального неравенства внутри общества, способствуя формированию новых социальных групп – класса интеллектуалов и отчужденного класса. Отсюда, в заключение параграфа мы приходим к выводу, что в недрах постиндустриального общества, несмотря на преодоление им классического классового противостояния, разворачивающегося вокруг собственности на средства производства, созревает опасный социальный конфликт. Этот конфликт обусловлен «разнопорядковыми» ценностными мотивациями новых социальных групп и чреват новой волной масштабных социальных трансформаций со всеми последствиями, вытекающими для ценностей и традиций. Качество и формы выражения этого конфликта требуют, на наш взгляд, пристального внимания и всестороннего анализа со стороны интеллектуального сообщества.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются достигнутые результаты, формулируются выводы и определяются перспективы дальнейших разработок по данной тематике.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и включенных в перечень, утвержденный решением Ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова:

1. Хупения Н.Р. Концепт традиции в контексте интеллектуального опыта интегрального традиционализма // Философия и культура. 2019. № 1. С. 20-26 (двухлетний Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,215).

2. Хупения Н.Р. О ценностных аспектах центр-периферийных отношений // Философия и общество. 2018. № 4 (89). С. 129-141 (двухлетний Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,418).

3. Парцвания В.Р., Хупения Н.Р. Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 273-283 (двухлетний Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,259).

4. Хупения Н.Р. Ценностные основания традиций: социально-философский ракурс // Вестник Воронежского государственного университета, серия Философия. 2017. № 3 (25). С. 118-125 (двухлетний Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,182).

Научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

5. Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 12-27.

6. Хупения Н.Р. Традиционализм и антитрадиционализм в истории европейской социально-философской мысли (XVII–XX вв.) // Философия социальных коммуникаций. 2015. № 4 (33). С. 66-74.

7. Хупения Н.Р. Традиция: ценность и перспективы бытования в меняющемся социуме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). С. 201-205.

Публикации в других изданиях:

8. Хупения Н.Р. Традиция и ценности: противоборство или единство? // Материалы XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2018» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018.

9. Хупения Н.Р. Традиции в социокультурной динамике общества // Материалы XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015.

10. Хупения Н.Р. Социокультурная ценность традиции // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2014.

11. Хупения Н.Р. Противоречивое бытие традиции в современном обществе (размышления по поводу кинофильма «Свани» режиссеров Сосо и Бадри Джачвлиани, 2007 год) // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013.

12. Хупения Н.Р. Истоки и становление Восточного Ренессанса // Философские опыты. Сборник научных трудов под ред. Н.В. Гоноцкой. Вып. 5. М. Полиграф-Информ, 2012. С. 145-154.